

A movie poster for the film 'The Settlers' (Дитя Основателя). The central image shows a person in a full spacesuit standing on a dark, rocky, and cratered planet surface. The person is facing away from the viewer, looking towards a bright, intense orange and yellow light source, possibly a sun or a large fire, which creates a dramatic silhouette effect. In the upper right corner, a large, detailed blue and grey moon is visible against the dark, starry sky. The overall mood is one of exploration and isolation in space.

Дитя ОСНОВАТЕЛЯ

ДМИТРИЙ ТИЦ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Тиц

Дитя Основателя

<https://litres.ru/74433432>

SelfPub; 2026

Аннотация

Человечество разделилось не по границам, а по ДНК.

Спустя несколько столетий после Исхода с Земли потомки гениального Основателя создали в системе Альфа Центавра идеальную империю — «Ковчег». Это мир безупречного порядка, генетической чистоты и абсолютного контроля, где каждый человек является полезным элементом отлаженной системы. Их цивилизация ограждена от хаоса Вселенной Протоколом — сводом холодных, безошибочных законов.

Но один корабль, чудом добравшийся из далёкой Солнечной системы, рушит эту хрупкую гармонию. «Василий Первый» приносит с собой не только людей — он приносит правду. Правду о том, что человечество на Земле не вымерло, а пошло иным путём. И правду о том, что две ветви одного вида теперь биологически чужды друг другу, а любое соприкосновение смертельно.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дитя Основателя

Глава

Книга 1

Глава 1. Виктор.

Виктор проснулся от звука сирены.

Это был не аварийный вой — низкий, мягкий гул, три раза подряд. Сигнал всеобщего сбора. Его никогда не включали просто так. Он вскочил с койки, и холодный пол колонии «Рассвет» встретил босые ступни привычным холодком в двадцать градусов. Идеальная температура для бодрости, как гласил Протокол.

«Рассвет» просыпался. За стеной его скромного жилого модуля, в общем коридоре, слышались шаги, приглушённые голоса — не паника, а напряжённое ожидание. Виктор быстро надел серый комбинезон с гештальт-плетением — ткань сама подстроилась под его движения — и прикоснулся к панели у двери. Голограмма календаря всплыла в воздухе: День 127,004 от Исхода. Цикл 451-й. Никаких памятных дат.

Он был сиротой Восьмого Уровня. Его мать, инженер эколог, погибла в аварии на внешней обшивке, когда ему было пять. Система отметила это как «Операционную потерю с коэффициентом 0.87» и взяла его на полное обеспечение. Его воспитали учебные программы, дроны наставни-

ки и редкие проверки офицера Социальной Адаптации. Он не помнил её лица, только номер дела: Gamma-7-India-441 «Воспитанник Виктор». Иногда он ловил себя на мысли, что даже тосковать ему не по ком — только по абстрактной идее «семьи», которую ему разложили по полочкам на уроках Социодинамики.

Виктор вышел в коридор, слившись с потоком таких же, как он — людей в сером и синем, с сосредоточенными, выученными лицами. Они двигались к Центальному Атриуму Колонии Сектора, как того требовал сигнал. Стены вокруг него были не металлом, а чем-то похожим на полированный камень — биокомпозит, порождённый местными нанолитами. Он впитывал звук, создавая гулкую, но не давящую тишину. На развилках мерцали знаки — стрелки и логотипы Гильдий: Инженеры, Биологи, Стражи, Летописцы. Он принадлежал к Гильдии Летописцев-стажеров. Его мир состоял из архивных данных, оцифрованных хроник Ковчега и бесконечных процедур верификации данных.

Атриум уже был полон. Под высоким, светящимся мягким светом куполом, имитирующим земное небо (но со слишком правильными, ненастоящими облаками), стояли рядами несколько тысяч человек. Впереди, на возвышении, уже находился Комендант Сектора Гор, его лицо было спроецировано на огромные экраны. Рядом с ним — незнакомые люди в форме Службы Карантина и Биобезопасности. У них были странные, угловатые шлемы с фиолетовыми линзами

визоров.

«Жители „Рассвета“», — голос Коменданта, усиленный, был сух и лишён эмоций, как и положено. — «В 04:47 по стандартному корабельному времени автоматические дозоры Пояса Койпера засекли несанкционированный проход через границу нашего пространства. Объект был перехвачен эскортом Крейсера „Непреклонный“ у ледяной глыбы С-441».

Он сделал паузу, доставая в воздухе панель управления. На экранах позади него возникло изображение. Кривые, потрепанные радиацией и микрометеоритами обводы корабля. Дизайн был архаичным, угловатым, с гигантскими выхлопными соплами термоядерных двигателей. На боку, стёртая, но читаемая, была надпись кириллицей и латиницей: «Василий первый» и ниже: «Содружество Навигаторов. Земля. Исходная экспедиция „Ангара“».

Тишина в Атриуме стала абсолютной, вакуумной. Потом её прорвал общий вздох, похожий на стон. Земля. Слово из легенд. Из первых уроков истории. Миф. Проклятие. Колыбель. То, что осталось там, за чёрной бездной и столетиями полёта.

«Корабль повреждён, системы жизнеобеспечения на грани, — продолжил Комендант. — На его борту — семьдесят три биологических существа. По предварительному сканированию, они соответствуют морфологическому шаблону базовой земной линии».

Он снова остановился, и на этот раз в его голосе впервые за годы службы Виктор уловил нечто, похожее на... затруднение.

«В соответствии с Протоколом Основателя, раздел «Контакты вне Системы», пункт первый, корабль был взят на буксир. Пункт второй: экипаж и пассажиры помещены в карантинный блок «Изолятор-Дельта» на орбите. Начата процедура полного биологического сканирования».

На экране сменилась картинка. Теперь это были лица. Крупные, усталые, измождённые лица. У них была странная, «мягкая» кожа, не тронутая постоянным УФ-фильтром куполов. У них были живые, дикие глаза, полные ужаса, надежды и непонимания. Они смотрели в камеры, и Виктору показалось, что он видит призраков. Людей из сна.

«Результаты сканирования получены час назад, — голос Коменданта стал металлическим. — И они... требуют пересмотра некоторых базовых положений Протокола».

Он бросил взгляд на офицера Биобезопасности. Тот шагнул вперед. Его голос, прошедший через фильтр шлема, звучал как скрежет камня.

«Жители «Рассвета». Экипаж земного судна биологически жив. Но они несут в себе комплекс микроорганизмов, вирусов и эндогенных ретровирусов, не зарегистрированных в нашей базе данных. Наши стандартные иммунопрофили не имеют к ним адаптации. Обратное также верно».

Он поднял руку, и на экране появились две сложные,

переплетающиеся молекулярные структуры — что-то вроде упрощённых моделей клеточных мембран.

«Их биология и наша начали расходиться с момента Исхода. Процесс, предсказанный Основателем, занял не тысячелетия, а столетия. Наш общий с ними воздух стал для них ядом медленного действия. Наша пища — токсична. Наша слюна, наш пот... являются агрессивными аллергенами. Проще говоря...»

Он замолчал, подбирая слова, которых, видимо, не было в его служебных мануалах.

«...Мы стали для друг друга заразой. Контакт без полного герметичного скафандра и последующей дезинтеграции всего, с чем они соприкоснулись, невозможен. Они не могут сойти на нашу землю. Мы не можем принять их в наши дома. Мы видим друг друга. Мы говорим на одном языке, если отбросить диалектные изменения. Мы происходим от одних предков. Но мы больше не можем прикоснуться друг к другу, не нанеся смертельный урон».

В Атриуме повисло молчание, более громкое, чем любой взрыв. Виктор смотрел на экран, на эти лица «призраков». На лицо женщины его возраста, которая, казалось, плакала. Он думал о своей матери призраке, о холоде пола под ногами, о безупречной, стерильной безопасности своего мира, который оказался клеткой не только для него, но и для всего человечества за его пределами.

И впервые за всю свою жизнь, жизнь по Протоколу, вос-

питанник Виктор, сирота Восьмого Уровня, почувствовал нечто острое, живое и неопишимо болезненное. Это было не из учебника. Это был укол одиночества, такого глубокого, что его хватило на две цивилизации. И первый вопрос, родившийся в его голове, был не к Коменданту, не к Протоколу, а к тому самому Основателю, чей лик висел в Зале Памяти:

«И это... и это тоже было частью твоего плана, отец?»

А сирена выла три раза, заставляя всех идти на рабочие места. День только начинался.

Глава 2. Внешний контур

Через два часа после объявления Виктор был уже в шлюзовом отсеке Внешнего Контура. Сирена сборов сменилась привычным распорядком. Протокол не терпел простоя. Его личный планшет мигнул зелёным — новое задание от Центра Управления Системами (ЦУС).

«Воспитанник Виктор. Назначение: Сектор 7-Gamma, Внешний пояс. Задача: плановая диагностика массива сенсоров микрометеоритной защиты. Замена блока № 441 (показатель эффективности упал до 87%). Стандартный набор инструментов. Время на выполнение: 120 минут. Уровень опасности: Низкий (радиационный фон в норме, солнечная активность минимальна).»

Его мир. Чёткий, измеримый, понятный. В этом была странная утешительность.

Шлюзовой отсек пахнул озоном и холодным металлом.

Роботизированные руки манипуляторы помогали ему облачиться в скафандр марки «Титан-7». Это была не просто одежда — это был личный кокон, его вторая кожа. Каждый слой имел значение: внутренний гидро охлаждающий костюм, силовая экзоскелетная рама, армированная кевларом и углеродным волокном оболочка, внешнее зеркальное покрытие, отражающее радиацию. Шлем с широким обзором и проекцией данных на визор. На груди — его идентификатор: Г-441.

— Контур давления в норме, — проговорил механический голос системы. — Подключение к системе жизнеобеспечения... подтверждено. Проверка канала связи с ЦУС... стабилен. Готов к депрессии шлюза.

«Депрессия» — это не эмоция. Это технический термин. Откачка воздуха. Падение давления до нуля. Виктор сделал глубокий вдох, слыша, как стихает гул систем. Затем — тишина, которую заполнял лишь звук его собственного дыхания в шлеме.

Массивная дверь шлюза с шипящим звуком отъехала в сторону, открыв черноту космоса, усеянную немигающими, ледяными точками звёзд. И перед ним — бескрайняя, серая, изогнутая плоскость внешней обшивки колонии «Рассвет». С этого ракурса она не выглядела городом. Она выглядела как гигантская, инопланетная структура, испещрённая приборами, шлюзами, узлами связи и причудливыми выступами радиаторов. Здесь, снаружи, не было ни намёка на жизнь —

только суровая геометрия выживания.

Виктор оттолкнулся от порога, и магнитные сапоги прилипли к обшивке. Он стал частью пейзажа. В его визоре сразу же загорелось навигационная линия голубой путь, ведущий к сектору 7 Гамма.

Его работа была монотонным балетом в замедленной съёмке. Дойти до массива сенсоров — полтора десятка металлических «глазков», встроенных в обшивку. Подключить портативный диагностический модуль. Проверить потоки данных. Система выдавала цифры: «Блок 438: 99.8%. Блок 439: 99.5%». Безупречно. Он был винтиком в машине, которая работала безупречно. И в этом была его гордость.

Затем — блок 441. Да, показатель падал: 87.3%. Не критично, но уже за пределами оптимального зелёного диапазона. Виктор отщёлкнул защитную панель. Внутри — компактная схема, покрытая лёгким слоем космической пыли. Он аккуратно продул её микро-струёй сжатого воздуха из инструмента и извлёк старый блок, похожий на крупную микросхему. Со склада на его поясе он достал новый, точно такой же. Идеальная копия. Он вставил его, зафиксировал. Панель захлопнулась с мягким щелчком.

— ЦУС, это Внешний Контур, Воспитанник Виктор. Блок 441 заменён. Иницирую проверку, — его голос прозвучал в его же шлеме гулко и одиноко.

— Подтверждаем, Воспитанник. Запускаем тест, — ответил голос оператора, бесстрастный и чёткий.

Виктор ждал, глядя на звёзды. На ту самую точку, откуда, по его расчётам, должен был прийти «Василий Первый». Он представил себе этот старый корабль, пыхтящий термоядерной тягой, полный людей, которые дышали другим воздухом, болели другими болезнями... которые могли умереть от рукопожатия. Его мозг, обученный схемам и логическим цепям, не мог с этим смириться. Это был сбой. Фундаментальная ошибка в проектировании, но не станции, а самой ситуации.

Тест завершился.

«Блок 441: эффективность 99.9%. Статус: ОПТИМАЛЬНЫЙ.»

Ещё одна единица системы вернулась к совершенству благодаря ему. Маленькая, но победа.

— Задание выполнено, ЦУС, — отрапортовал он.

— Подтверждаем. Возвращайтесь на базу. Есть дополнительное поручение: визуальный осмотр шлюза «Дельта-3» на предмет следов микроэрозии по пути.

Он развернулся и пошёл вдоль обшивки, его шаги отдавались тишиной через вибрацию в костях. Шлюз «Дельта-3» был одним из резервных. Идя, он думал. Он был полезен. Он поддерживал целостность этого огромного организма, который был его домом. Он защищал воздух, который мог убить

землян. Он обслуживал стену, которая теперь была не просто защитой от вакуума, а биологическим барьером между двумя ветвями человечества.

Достигнув шлюза, он включил налобный фонарь, вглядываясь в стыки массивных дверей. И тут он его увидел. Крошечную, почти невидимую царапину на зеркальном покрытии возле диагностического разъёма. Не микроэрозия, а скорее след от удара мелкого осколка. Ничего критичного. Он прикоснулся к ней загерметизированной перчаткой. Холод металла проник сквозь слои.

Вот она. Граница.

С одной стороны — его стерильный, безопасный, предсказуемый мир, где он был полезным винтиком. С другой — бездна, из которой приплыли призраки, и прикоснуться к которым значило нарушить Протокол на самом глубоком, биологическом уровне.

— ЦУС, шлюз «Дельта-3». Визуальный осмотр завершён. Обнаружена незначительная поверхностная деформация а координатах 7-Эпсилон-441. Не влияет на целостность. Рекомендую внести в журнал для плановой полировки в следующем цикле.

— Внесено, Воспитанник. Возвращайтесь.

Он оттолкнулся и поплыл обратно к своему шлюзу, к своему отсеку, к своей койке в модуле Восьмого Уровня. Работа была сделана. Станция была в безопасности. Его мир функционировал.

Но в его голове, оцифрованной и дисциплинированной, теперь жил новый, тревожный алгоритм. Он видел не просто царапину на металле. Он видел трещину. Не в обшивке. В чём-то гораздо большем. И он, Виктор, сирота и стажер, чьей задачей было чинить сенсоры, не имел никаких инструментов, чтобы её починить.

Глава 3. Голос души.

Шлюз сжался за его спиной с тихим шипением, вернув давление, гравитацию и гул систем. Процедура раздевания скафандра в стерильной камере была медитативной: отсоединение шлангов, щелчки замков, холодный поток дезраствора, а затем — сухой, тёплый воздух. Его комбинезон был чист и свеж, как будто он и не выходил в пустоту. Протокол стирал следы.

Отчёт в ЦУС занял три минуты. Цифры, координаты, статусы. Оператор кивнул на камеру, не глядя. «Эффективность воспитанника Виктора: 98%. Квота на цикл выполнена. Следующее задание будет назначено завтра в 06:00».

Смена заканчивалась. В жилых секторах включалось «вечернее» освещение — более тёплый, желтоватый свет, имитирующий закат. Искусственный, но приятный глазу. У Виктора было четыре часа до отбоя. Обычно он проводил их в архиве, дописывая отчёты, или в тренажерном зале, поддерживая мышечный тонус, предписанный нормами для его роста и возраста. Сегодня же его ноги сами понесли его в общую столовую сектора 8-Дельта.

Здесь всегда можно было найти своих. Не семью, конечно. Но «своих».

Столовая была просторным, светлым залом с длинными столами из лёгкого сплава. Воздух пах нейтрально-сладковатым — ароматизаторами, маскирующими запах рециркулированной пищи и людей. На линии раздачи дроны диспансеры выдавали пайки. Сегодняшний ужин.

Виктор взял свой поднос. Термопластиковая поверхность была приятно тёплой. Ароматы, обволакивавшие раздаточную линию, заставили его забыть на мгновение о внешнем мире — о вакууме и призраках с Земли.

На его тарелке лежала сочная котлета из культивированного мяса перепела, покрытая хрустящей, золотистой корочкой. Рис рядом был не просто белым — это был сорт «Космический жемчуг», с удлинёнными, почти прозрачными зёрнами. В отдельной маленькой пиале дымился грибной крем суп на основе шиитаке и вешенок, выращенных в темноте нижних палуб. И был ещё небольшой кусочек запечённого хлеба.

Он подошёл к столу, где уже сидели Антон и Кай. Антон с видимым удовольствием разрезал стейк из синтезированной телятины под густым ягодным соусом, а Кай, как всегда, вдумчиво перемешивал вилкой киноа с овощным рататюем — яркую смесь кабачков, баклажанов и томатов черри.

— Значит, их метаболизм просто проигнорирует половину аминокислот в моём стейке! — Антон говорил с набитым ртом, жестикулируя ножом. — Он будет усваивать только ба-

зовые, как будто это дешёвый протеиновый порошок. А весь сложный букет, всю глубину... пустота.

Кай отодвинул тарелку.

— Это не главное. Их микробиом... — он вздохнул, — он дикий. Наш — это отлаженный сад. Мы выпалываем всё лишнее веками. А они...

Виктор откусил кусочек котлеты. Она была идеальной: сочной внутри, с лёгким дымным привкусом, который придавали жидкому дыму в процессе культивации. Продукт цивилизации, которая не просто выживала, но и училась создавать прекрасное. Он представил, как эта прекрасная, сложная пища становится в чужом теле бесполезным балластом или, хуже того, оружием.

— И что Протокол? — спросил Виктор, откладывая вилку. Голос прозвучал глуше, чем он ожидал.

Антон отпил из стакана газированного напитка с лаймом и мятой.

— Карантин. Изучение. Оценка угрозы целостности Системы. Если угроза неустранима... — он замолчался, посмотрел на суп, внезапно потерявший для него вкус.

— «Объект подлежит изоляции на неопределённый срок, либо, в случае прямой опасности для носителей Жизненного Кода, утилизации», — процитировал Кай, не глядя ни на кого. Он ломал хлеб на крошечные кусочки. — Но это про

потенциально враждебную биомассу. Не про людей, которые смотрят на тебя сквозь стекло и пытаются улыбаться.

— Их биология — это и есть враждебная биомасса для нашего мира, — поправил Антон, но без обычной уверенности. — Не по злему умыслу. По факту. Их тело, их дыхание, их пот — всё это биологическое оружие.

— Как и наше — для них, — добавил Виктор. Его аппетит исчез. Идеальная еда вдруг стала тяжёлой, как свинец.

Прогремел негромкий, но настойчивый сигнал отбоя. 22:00. Свет в столовой приглушался, становясь тёплым и медовым — сигнал к завершению дня, а не обсуждениям. Расписание было железным, даже когда рушились основы понимания мира.

Они молча отнесли подносы к утилизационному люку. Дрон приёмщик с мягким жужжанием забрал остатки — всё пойдёт на рециркуляцию, вновь став частью бесконечного, безотходного цикла колонии. На выходе Антон похлопал Виктора по плечу, но жест был механическим, лишённым обычной бравады.

— Не забивай голову. Завтра новое задание по вентиляционным магистралям. Новые данные. Система всё учтёт. Всё... всё уже просчитано, — его голос сорвался на последних словах.

Кай лишь кивнул на прощанье, его взгляд был устремлён внутрь себя, вероятно, в уже прокручиваемые схемы клеточных мембран и белковых цепочек, которые стали стеной

между двумя мирами.

Виктор пошёл по коридору к своему жилому сектору. Искусственная гравитация, привычная и неизменная, давила на подошвы. Стены, как обычно, излучали мягкий, успокаивающий свет. Но сегодня эта предсказуемость казалась ему удушающей. Мимо него быстрым, чётким шагом прошли двое Стражей в чёрной форме с красным шевроном Биобезопасности на плече. Их лица были застывшими масками, но в уголке глаза старшего из них заметно дёргался нерв. Виктор, задержав дыхание, уловил обрывок их сдержанной, резкой перепалки:

«...Ковчег требует полные геномы для анализа по матрице Коэна. Если индекс совместимости ниже семи процентов, протокол «Хитон» предписывает...»

Второй страж что-то резко прошипел в ответ, и они, бросив на Виктора беглый, ничего не выражающий взгляд, скрылись за поворотом, ведущим к служебным лифтам. К тем самым, что вели в доки и, возможно, к карантинному блоку «Дельта».

Дверь его жилой ячейки бесшумно отъехала в сторону. Всё было на своих местах. Всё так же, как и тысячи раз до этого. Экран для учебных материалов. Ниша с его скудным «личным» имуществом: сертификат об отличном прохождении курса по внешнему обслуживанию, цифровая фото рамка с меняющимися пейзажами смоделированной Земли (се-

годня — слишком зелёные, слишком идеальные альпийские луга), стандартный набор гигиенических принадлежностей. Всё, что выдала и одобрила Система. Всё, что у него было.

Он не лёг сразу. Подошёл к небольшому иллюминатору, который был не окном, а высококачественным экраном, транслирующим вид с внешних камер. Нажал кнопку, переключив вид. Перед ним возникла та самая точка в пространстве — серый, угловатый силуэт «Василия Первого», подсвеченный жёстким светом прожекторов сторожевого крейсера «Непреклонный». Крошечная, жалкая скорлупка, пришвартованная к исполинскому, идеальному телу колонии. Он увеличил масштаб. На одном из иллюминаторов земного корабля, крошечном и мутном, угадывалось лицо. Просто бледное пятно. Но Виктор представил себе глаза.

Он отвернулся и лёг. Свет автоматически погас до ночного минимума, оставив лишь слабую подсветку у пола. Но сон не шёл. Перед глазами стояли не схемы и не отчёты, а две картинки, которые его разум отказывался соединить. Первая: безупречный интерьер столовой, вкусная еда, спокойные лица друзей, гул работающих систем — симфония выживания и порядка. Вторая: бледное лицо за стеклом шлюза «Дельта», голодный взгляд на идеальную, но чуждую пищу, и холодный, безличный голос Протокола, перечисляющий варианты «утилизации» угрозы.

Он был полезным элементом. Винтиком. Он поддерживал работу этой грандиозной, совершенной машины, день за

днём выполняя свои функции. Он гордился этим. А сегодня этот винтик впервые задался вопросом не «как починить?», а «во имя чего?».

Неужели весь этот путь — столетия отбора, генетической очистки, создания безупречно эффективного общества — вёл их не к звёздам, а в ловушку? Не становились ли они сами величайшим произведением искусства в заброшенной галерее, идеальными, стерильными и обречёнными на вечное одиночество? Они отгородились не просто от опасностей космоса, а от самой возможности иного, живого, пусть и несовершенного, контакта.

Он закрыл глаза, но вместо темноты видел лишь бескрайнюю, холодную серость внешней обшивки и ту самую, ничтожную царапину у шлюза «Дельта-3», которую он обнаружил сегодня. Неисправность, которую нужно внести в журнал для планового ремонта.

Трещина.

И он, Виктор, стажер Гильдии Инженеров системников, впервые за всю свою жизнь почувствовал не профессиональный интерес к неисправности, а тихий, леденящий ужас. Потому что эта трещина была не в титановом сплаве. Она была в самом фундаменте мира, который он считал своим домом. И у него не было ни инструментов, ни инструкций, чтобы её заделать.

Глава 4.

Следующее утро началось как обычно: мягкий, но на-

стойчивый световой сигнал в 06:00, пятиминутной комплекс упражнений на растяжку прямо у койки, контрастный душ со строго дозированной водой. На экране терминала мигало новое задание от ЦУС. Виктор, ещё не до конца проснувшийся, коснулся пальцем дисплея.

«Воспитанник Виктор. Назначение: Сектор 12-Тета, доковый узел Альфа-3. Задача: плановый осмотр и профилактика систем внешней стыковки, шлюзы с 12-Т1 по 12-Т6. Проверить целостность магнитных захватов, герметичность уплотнителей, работу световой индикации. Уровень опасности: Низкий. Время: 240 минут. Примечание: сектор примыкает к карантинной буферной зоне Дельта. Соблюдать протокол дистанции. Все коммуникации — только через ЦУС. Выход в зону Дельта запрещён без прямого приказа Совета Ковчега.»

Текст был сухим и обычным. Но последнее предложение билось в висках тяжёлым, глухим пульсом. «Сектор примыкает...»

Завтрак он проглотил механически, не замечая вкуса омлета со шпинатом и свежего хлеба. В шлюзовом отсеке ритуал облачения в скафандр прошёл на автопилоте: проверка показаний, скрежет замков, холодок гидросистемы на спине. Сегодня его «Титан-7» пах не озоном, а чем-то новым — резким антисептиком, которым, видимо, обработали весь отсек.

— Подтверждаю готовность, ЦУС. Выхожу, — его голос

прозвучал хрипловато.

Чёрная бездна снова поглотила его. На этот раз он оказался в огромном доковом ангаре. Это был настоящий кафедральный собор инженерии. Гигантские фермы, похожие на рёбра исполинского кита, поддерживали потолок, уходящий в темноту. Вдоль стен, как коконы, висели на магнитных ложементах служебные шаттлы и грузовые капсулы. В центре, поражая воображение даже привыкшего ко всему Виктора, стоял, пришвартованный массивными скобами, крейсер «Непреклонный». Его полированный чёрный корпус поглощал свет, лишь скупое отражая огоньки индикаторов. Рядом с ним «Василий Первый» выглядел как потрёпанная рыбацкая лодка у борта авианосца.

Виктор заставил себя отвести взгляд. У него была работа. Он двинулся вдоль ряда шлюзов, последовательно подключая диагностический модуль, сверяя показания с эталонными. Его руки делали своё дело, пальцы нажимали правильные кнопки, голос отчитывался в канал связи. Но его сознание было где-то там, за массивной герметичной переборкой с яркой предупреждающей надписью: «Сектор Дельта. Карантин. Доступ абсолютно запрещён. система автономной обороны активирована.»

Он чинил шлюзы, которые вели в никуда, проверял целостность стен, отделявших его мир от тех, кто был так близко. С каждой проверенной уплотнительной прокладкой, с каждым затянутым болтом он физически ощущал, как нара-

щивает толщину этой стены. Он был не просто инженером. Он был тюремщиком, совершенствующим замки своей же собственной клетки.

Во время проверки шлюза 12-Т4 его взгляд упал на небольшой сервисный терминал, встроенный в стену. Обычно на нём горел стандартный интерфейс диагностики. Сейчас экран был тёмным, но в его верхнем углу мигал крошечный, едва заметный индикатор — перекрещенные красный и зелёный круги. Виктор замер. Он знал этот значок. Это был маркер открытого низкоуровневого аудиоканала. Не общего комканала, а именно служебной, возможно, аварийной связи. Такой канал мог быть активен, например, между техниками внутри «Дельты» и их ЦУС. Или... между кем-то в «Дельте» и внешним миром.

Его рука сама потянулась к панели, чтобы отключить канал — это была не его система, это могло быть нарушением. Но пальцы замерли в сантиметре от экрана. Вместо этого он почти машинально коснулся встроенного в шлем интерфейса и перевёл свой личный комканал на ту же служебную частоту. Сначала была тишина, потом — лёгкий шипящий звук. И затем... голос. Женский. Юный, сбивчивый, полный усталости и чего-то ещё, чего Виктор не мог определить.

«...повторяю, это медицинский отсек «Василия». У нас двое детей, температура за сорок, кашель с кровью. Мы использовали последние антибиотики из нашего аварийного запаса. Они не помогают. Мы не знаем, что это. Просим...

просим консультации. Хотя бы анализа наших патогенов. У вас же должны быть средства. Мы не просим выйти. Просто... помогите понять, что с ними. Пожалуйста.»

Голос замолк, прерванный сдавленным всхлипом. Потом тишина. Виктор стоял, вцепившись в поручень у шлюза так, что даже через перчатку чувствовал, как дрожат пальцы. Дети. Кашель с кровью. Их лекарства не работали. Потому что их болезни были другими. Или потому что эта среда, его среда, уже начала свою медленную, неумолимую работу внутри них.

В его шлеме резко и громко прозвучал голос оператора ЦУС:

— Воспитанник Виктор. Зафиксировано несанкционированное прослушивание на закрытой частоте. Немедленно прекратите и вернитесь к вашей задаче. Объяснения будут запрошены после возвращения.

Приказ был точен и неоспорим. Протокол. Виктор одним движением выключил канал. Шипение прекратилось. Остался лишь привычный гул его собственного дыхания и холодная, безмолвная громада «Непреклонного». Он медленно, как автомат, вернулся к диагностике шлюза 12-Т5. Его пальцы нащупали под слоем космической пыли едва заметную вмятину. Механического повреждения нет, герметичность не нарушена. Просто след. От чего? От удара микрометеорита? Или от чего-то ещё?

Он поднял голову и посмотрел на переборку «Дельты». На ту самую надпись. «система автономной обороны активирована.»

Что это означало на практике? Лазеры? Газ? Поля подавления? Что сработает, если кто-то из них попытается подойти к этой двери? Или если кто-то из них, вроде него, попытается её открыть?

Он закончил проверку последнего шлюза, отчитался. Его голос звучал ровно и бесстрастно. Эффективность — 99%. Задание выполнено.

Возвращаясь по тому же пути, мимо исполинского крейсера, он на секунду остановился. В иллюминаторе одного из нижних доков «Непреклонного» горел свет. И там, за толстым бронированным стеклом, он увидел фигуру в чёрном скафандре Стража. Страж стоял неподвижно, лицом к «Василию». В его руке был не инструмент, а что-то длинное, узкое, со скучным металлическим блеском. Не ремонтный пистолет. Инструмент иного назначения.

Виктор резко развернулся и поплыл к своему шлюзу. Его сердце билось так, как будто он только что избежал столкновения с обломком. Внутри него, в том самом месте, где раньше жили только схемы и инструкции, что-то окончательно и бесповоротно надломилось.

Он был инструментом в руках Системы. Хорошим, точным, полезным инструментом. Но инструменты не задают вопросов. Не слушают чужие голоса в эфире. Не видят лиц

за стеклом. И уж точно не сомневаются в том, для чего их используют.

Когда шлюз закрылся за ним, и началась рекомпрессия, он понял одну простую и страшную вещь. Трещина была не в обшивке. Она была в нём самом. И её уже не заделать плановым техобслуживанием.

Рекомпрессия заняла стандартные три минуты. Три минуты гула нарастающего давления, во время которых Виктор стоял неподвижно, уставившись в матовую стену шлюза. В ушах всё ещё звучал тот голос: «Пожалуйста...» И холодный, отлаженный механизм его разума, всегда находивший решение для любой технической неполадки, теперь беспомощно буксовал, пытаясь найти ответ на эту простую, человеческую просьбу.

Зелёный индикатор. Шлюз открылся. Его встретила не пустота коридора, а фигура в сером комбинезоне с шевроном Социальной Адаптации. Офицер Лира. Её лицо, обычно выражавшее лишь вежливую отстранённость, сейчас было подобно маске из полированного камня.

— Воспитанник Виктор. Проследуйте со мной, — её голос не допускал возражений.

Его повели не в сторону жилого сектора, а по служебным коридорам, куда стажеры обычно не допускались. Лифт, тихое движение, ещё один коридор. Они вошли в небольшое, стерильное помещение без окон — комнату для бесед. Стол, два кресла, панель записи на стене, мерцающая крас-

НЫМ ГЛАЗКОМ.

— Садитесь.

Виктор сел. Лира осталась стоять, опираясь ладонями о стол.

— В 11:47 по СКТ вы осуществили несанкционированное подключение к служебному аудиоканалу Зоны Дельта, — она начала без предисловий, глядя куда-то в пространство над его головой. — Это нарушение параграфа 14.3 Кодекса Кибер безопасности и параграфа 7.1 Инструкции по действиям вблизи карантинных объектов. Объясните свои действия.

Мозг Виктора лихорадочно перебирал заученные формулировки. «Зафиксировал нештатную активность индикатора... решил проверить целостность канала связи... действовал в интересах безопасности Системы...» Ложь. Чистая, отполированная, эффективная ложь, которую система примет, потому что она рациональна. Он открыл рот, чтобы произнести её.

Но из него вырвалось другое.

— Там дети. Они болеют. Их лекарства не работают.

Слова повисли в тихом гудении вентиляции. Лира не моргнула. Её взгляд, наконец, опустился на него, стал тяжёлым и пронизательным.

— Состояние биологических объектов в Зоне Дельта яв-

ляется предметом анализа специалистов Биобезопасности и Медблока, — отчеканила она. — Не ваша компетенция. Ваша задача — обслуживание внешнего контура. Вы вышли за рамки своих функций. Вы внесли элемент нестабильности.

— Они просили помощи, — тихо, но упрямо сказал Виктор. Он сам удивился своей настойчивости. Протокол предписывал подчинение.

— Они являются источником биологической угрозы уровня «Омега», — голос Лиры стал ледяным. — Помощь, которую они запрашивают, может потребовать передачи наших биоматериалов, данных или, что недопустимо, физического контакта. Это ставит под удар всю колонию. Каждого из нас. Понимаете ли вы это.

Он понимал. Он видел схемы Кая. Он слышал объяснения Антона. Его разум понимал всё. Но где-то глубже, в месте, не охваченном учебными модулями, это понимание встречало сопротивление.

— Что с ними будет? — спросил он, глядя прямо на офицера.

Лира вздохнула, как взрослый, уставший от вопросов ребёнка.

— Будут проведены все необходимые исследования в рамках Протокола. На основании их результатов Совет Ковчега примет решение, оптимальное для сохранения Системы.

Это был стандартный, уклончивый ответ из учебника. Но Виктор впервые услышал в нём не руководство к действию, а приговор.

— А если «оптимальное решение» — это оставить их умирать? — вырвалось у него. Он тут же сжался внутри, ожидая вспышки гнева, обвинения в мятеже.

Но Лира не вспыхнула. Она внимательно, почти с любопытством посмотрела на него, как энтомолог на редкое насекомое.

— Вы задаёте эмоциональные вопросы, воспитанник. Эмоции — это нестабильный фактор. Они ведут к ошибкам. К нарушению Протокола. К гибели. Основатель очистил нас от этого. Ваши показатели эффективности были высоки. Не позволяйте сбою в восприятии испортить вашу траекторию. Она отодвинулась от стола.

— Вам выносится официальное предупреждение. Ваш доступ к служебным каналам вне вашего сектора работ понижен до базового. Следующие семдесят два часа вы будете заняты на внутренних работах в цехах рециркуляции. Это позволит вам сосредоточиться на базовых задачах и стабилизировать ваши показатели. Ваши встречи с воспитанниками Антоном и Каем временно ограничены до совместных учебных сессий. Всё понятно?

Это был не просто выговор. Это была перестройка его

жизни. Изоляция. Отдаление от друзей. Монотонная, удалённая от периметра работа. Система мягко, но неумолимо возвращала заблудившийся элемент на его орбиту.

— Понятно, — глухо ответил Виктор.

— Хорошо. Можете идти. Ваша следующая смена в цехе рециркуляции начинается в 06:00.

Он вышел в коридор. Дверь закрылась за его спиной с тихим щелчком. Он стоял один под холодным светом ламп. Чувство было странным: не гнев, не страх, а пустота. Как будто часть его, та самая, что посмела усомниться, была аккуратно, хирургически удалена. Оставшемуся «полезному элементу» было тихо и холодно.

По дороге в жилой сектор он проходил мимо общего информационного экрана. На нём, как обычно, сменялись данные: урожайность, уровень кислорода, статус энергосистем. Внизу бегущей строкой шли служебные сообщения. И вдруг он увидел:

«...поступили данные биологического мониторинга Зоны Дельта. Объекты демонстрируют признаки адаптационного стресса. Принято решение об усилении режима изоляции. Все запросы внешнего контакта перенаправляются в Совет Ковчега. Колония работает в штатном режиме. Эффективность стабильна.»

«Адаптационный стресс». Двое детей. Кашель с кровью. Их мир умирал внутри них, а Система фиксировала это как «данные биологического мониторинга».

Он дошёл до своей камеры, вошёл внутрь. Тишина. Всё на своих местах. Он сел на койку и уставился на пустые руки. Руки, которые умели чинить сенсоры, менять блоки, затягивать болты. Руки, которые сегодня были бесполезны.

Он больше не видел трещину в обшивке. Он чувствовал её внутри. Это была не трещина, а пропасть. И она расширялась с каждым тихим, бесстрастным сообщением Системы, с каждым новым протоколом, с каждым его молчаливым соглашением.

Он был инструментом. И инструмент впервые задумался о руке, которая им держит, и о цели, для которой его используют. И эта мысль была страшнее любого выхода в открытый космос.

Глава 5. Эхо Ковчег.

Цех рециркуляции был сердцем и кишками колонии. Здесь гигантские биореакторы и фильтрационные массивы переваривали отходы, превращая их обратно в чистую воду, базовые органические соединения и минералы. Воздух гудел низкочастотным гудением турбин и пах не химией, а густым, почти живым запахом горячего компоста и озона. Это был храм практической алхимии, где смерть одного цикла становилась жизнью для следующего.

Виктора назначили на мониторинг секции D-7 — ряд колонн с керамическими мембранами, которые нужно было чистить от накипи и проверять на микротрещины. Работа была монотонной, почти медитативной: снять панель, про-

мыть каналы едким, но безопасным раствором, проверить показания, установить панель на место. Физический труд, не требующий мыслей. Именно то, что ему было нужно. Или так казалось Системе.

Он был на втором часу смены, склонившись над вскрытым узлом, когда привычный гул цеха изменился. Сначала приглушались, а затем полностью стихли голоса операторов на пульте управления. Замерли в воздухе привычные переключки техников. Даже гул машин словно замолчал, уступив место новому звуку — нарастающему, низкому гулу, идущему отовсюду и ниоткуда. Он исходил от самих стен, от пола, от трубопроводов. Это был звук работы тысяч дополнительных систем, запущенных на максимум.

Виктор выпрямился, вытирая пот со лба тыльной стороной перчатки. По центральному широкоформатному экрану цеха, где обычно отображались схемы потоков и КПД, поплыл новый, лаконичный текст золотыми буквами на чёрном фоне:

«Внимание всем секторам. Объявляется статус „Аура“. Все работы не являющиеся главными, приостанавливаются. Персоналу оставаться на своих местах и следовать инструкциям.»

Статус «Аура». Виктор ни разу за свою жизнь не видел этого кода. Он пролистал в памяти учебники по гражданской обороне и чрезвычайным протоколам. «Аура» значила только одно: визит особы императорской крови. Высший прио-

ритет. Не просто чиновника с Ковчега-столицы. Кого-то из самой Династии.

По цеху пробежал сдержанный, но электризующий всё вокруг шёпот. Даже самые дисциплинированные инженеры переглядывались, а их пальцы замерли над клавиатурами.

— Не болтать! Сосредоточиться на показаниях! — рявкнул старший по цеху, но и в его голосе сквозило не привычное раздражение, а напряжение.

Через десять минут по всем каналам связи, включая личные устройства, раздался не механический голос Системы, а живой, низкий и невероятно спокойный баритон. В нём не было ни капли напряжения, лишь абсолютная, неоспоримая уверенность.

«Говорит Комендант Колонии „Рассвет“. Через сорок семь минут в наш док совершит посадку личный челнок Ковчега „Вечность“. На его борту будет находиться Его Светлейшее Высочество, Князь Ковчега, Хранитель Source-0, Прямой Потомок Основателя в сорок втором колене — Ксен.»

На экране внешние ворота дока раздвинулись без привычного гула. В проёме, на фоне абсолютной черноты, повисла тень. Челнок «Скипетр» был не кораблём, а воплощённой угрозой. Длинный, иглообразный, лишённый иллюминаторов, его корпус был матово-чёрным, поглощающим даже свет прожекторов. Он вошёл внутрь с такой тихой, неумолимой плавностью, что казалось, не двигался он, а сам док наезжал на него.

Тишина в цехе стала звенящей. Никто не дышал.

Шлюз «Скипетра» растворился. Первыми вышли ещё восемь Стражей, образовав внутренний периметр. Их движения были синхронны до миллиметра, как у частей одного механизма.

И тогда появился Он.

Виктор почувствовал, как по спине пробежал ледяной пот.

Ксен вышел неспешно. Он был одет в простой комбинезон, но ткань была не обычной — она казалась жидкой тенью, обволакивающей его фигуру, мерцая тусклым блеском, как крыло жука. Он был высок, но не громоздок. Каждое его движение было выверено, экономично, лишено малейшего излишества. Энергия в нём не была ключом, а сберегалась, концентрировалась, как в сверхпроводнике.

Но лицо.

Это было лицо с официальных голограмм, но увидеть его в живую было иным опытом. Черты, знакомые каждому с детства по портретам Основателя, были здесь, но застывшие в идеальном, нечеловеческом спокойствии. Кожа — гладкая, без единой поры, без малейшего намёка на возраст или усилие. Волосы — тёмные, короткие, уложенные с геометрической точностью. И глаза. Светлые, почти прозрачные, как бледный лёд. Они не бегали, не оценивали. Они сканировали. Их взгляд скользнул по Коменданту, по строю, по камере — и Виктору, за тридевять земель в цехе, показалось, что тот

взгляд на миг остановился на нём. Не на личности, а на биомассе, на единице эффективности, на статистической точке.

Ксен не кивнул, не подал руки. Он позволил Гору склонить голову в поклоне, который длился ровно три секунды. Потом его тонкие, бесцветные губы дрогнули. Он что-то сказал. Микрофон не уловил слов, но Виктор по губам прочёл короткую, отчеканенную фразу: «Доклад. Статус аномалии.»

Комендант Гор, не поднимая головы, начал что-то быстро, тихо говорить. Его плечи были напряжены до дрожи.

Ксен слушал, не двигаясь. Его лицо оставалось абсолютно бесстрастным. Оно не отражало ни гнева, ни интереса, ни нетерпения. Оно было лицом хирурга, выслушивающего симптомы перед тем, как взять скальпель. Он был здесь не для переговоров. Он был здесь для диагностики. И, как стало ясно каждому, кто смотрел, диагноз уже созрел в этом холодном, превосходящем человеческое, разуме.

Трансляция внезапно прервалась, сменившись стандартной заставкой Ковчега. Статус на табло сменился с «Альфа Омега» на «Изоляция — Полная». Цех не вздохнул с облегчением. Воздух остался густым от невысказанного ужаса.

Старший инженер с трудом выдавил из себя команду:

— По... по местам. Медленно. Без паники. Ждём дальнейших инструкций.

Но инструкций не было. Была только тишина, нарушаемая теперь не гулом машин, а приглушённым, лихорадоч-

ным перешёптыванием:

«...он смотрит прямо сквозь тебя...»

«...что он с ними сделает?...»

«...Протокол „Молчание“... значит, решение уже принято, только мы не знаем какое...»

Виктор опустил взгляд на свои руки. Они были чёрными от технической грязи, дрожали. Он снова увидел ту девушку за стеклом. Её мольбу. Её страх.

И теперь он знал, кто стоит по ту сторону этого стекла. Не система. Не безликий Протокол. А Ксен. Холодный, идеальный, неумолимый разум, наследник великого замысла. Для него земляне не были трагедией. Они были нештатной ситуацией. Погрешностью в расчётах. А с погрешностями, как знал любой инженер, поступают просто: их выявляют, изолируют и по возможности устраняют.

Работа в цехе возобновилась, но это была уже иная работа. Теперь каждый болт, каждая прокладка, каждый вздох фильтра проходил под незримым, леденящим взором того, кто пришёл сюда вершить суд. Виктор понимал, что его мир, вся эта сложная, хрупкая конструкция под названием «Рассвет», была всего лишь крошечным винтиком в машине, хозяин которой только что соизволил обратить на неё своё внимание. И от одного этого внимания металл казался хрупким, а воздух — разреженным.

Суд пришёл. И он был бесстрастен, как математическая формула.

Глава 6. Тихий приговор.

Дверь в жилой модуль Виктора бесшумно отъехала в сторону, впуская его в стерильный объём личного пространства. После смены в «Реголите» тишина здесь казалась громкой, а воздух — слишком чистым, лишённым вкуса металла и пыли.

Он сбросил пропитанный запахом озона и гари рабочий комбинезон в приёмный люк для дезинфекции, прошёл к душевой кабине. Вода, отмеренная строгой дозой, смыла с кожи чёрные разводы. Движения были автоматическими, выученными до мелочей. Он был пустой оболочкой, тихо плывущей по предписанному маршруту от наказания — к отдыху, от грохота — к тишине.

Надев простую серую домашнюю форму, он сел на край койки. Взгляд автоматически упал на центральный экран стены, который, уловив его присутствие, мягко зажёгся. Обычно там крутились нейтральные новости колонии: показатели урожая на гидропонных фермах, успехи в оптимизации энергосетей, интервью с отличившимися специалистами. Сегодня главным материалом был другой сюжет.

На экране, в безупречной студии «Голоса Ковчега», диктор с эталонным, лишённым акцента произношением читал текст. За его спиной демонстрировалась графика: схематичное изображение колонии «Рассвет», рядом — меньший,

подсвеченный красным силуэт «Василия», а между ними — мощная, жирная линия барьера, на которой горела надпись: «Угроза нейтрализована».

« И сегодня, по личному распоряжению Его Светлости, Князя Ковчег Ксена, была поставлена окончательная точка в инциденте с неидентифицированных космическим объектом, — вещал диктор. — На основании исчерпывающих данных, полученных нашими специалистами, было установлено, что биологическая составляющая объекта представляет собой абсолютную и неустранимую опасность для экосистемы колонии. В соответствии с высшими приоритетами Безопасности Жизненного Кода, угроза была ликвидирована максимально эффективным и гуманным методом...»

Виктор не слышал следующих слов. Он смотрел на кадры, смонтированные в репортаж: безупречно чистые коридоры, Стражи в новых доспехах, работающие с фокусированным вниманием техники в защитных костюмах. Никакого намёка на сопротивление, на рёв, на агонию. Всё было чисто, стерильно, технологично. Как хирургическая операция. «Гуманный метод» — это, должно быть, криокапсулы. Превращение в ледяные экспонаты.

«Благодаря оперативному и мудрому решению, принятому на самом высоком уровне, колония «Рассвет» и все её жители вновь в полной безопасности, — заключил диктор, и его лицо сменила успокаивающая заставка с видами цветущих садов на внутренних палубах. — Порядок восстано-

лен. Империя защищает своих детей.»

Экран перешёл в режим ненавязчивой подсветки, проецируя на стену медленно плывущие созвездия. Тишина в модуле стала абсолютной. Виктор сидел, не двигаясь, глядя в пустоту перед собой. Внутри не было гнева. Не было даже горя. Была ледяная, всепроникающая пустота. Пустота понимания.

«Безопасность». Это слово теперь звучало как приговор. Они были в безопасности. Заперты в безупречном, самообеспечивающемся коконе, защищённые от чужих болезней, чужих мыслей, чужих жизней. Их защитили от самой возможности сострадания, от риска, от хаоса живого чувства. Ценой превращения других людей в замороженные образцы в банке данных. И этот приговор вынес не безликий алгоритм. Его вынес Он. Ксен. И это было не злодеяние. Это была высшая, бесстрастная рациональность. Та самая, на которой держалась их цивилизация.

Виктор вспомнил свою мать. Не лицо — его он не помнил. Вспомнил запись в своём деле: «Инженер эколог 3-го ранга. Погибла при героическом устранении разгерметизации на внешней обшивке. Пожертвовала собой для сохранения целостности сектора.» Её утилизировали с почестями, как полезный, но отработанный элемент, выполнивший свою функцию. Теперь то же самое, только без почестей, проделали с семьюдесятью тремя людьми с «Василия». Протокол «Архивация» вместо протокола «Героическая гибель». Суть

не менялась.

Он поднялся с койки и подошёл к маленькому иллюминатору-экрану. Нажал кнопку, выбрав внешнюю камеру. На экране возникла знакомая картина: бескрайняя, серая плоскость обшивки «Рассвета», усыпанная звёздами. Нигде не было видно ни «Василия», ни следов недавних событий. Всё было чисто. Угроза нейтрализована. Порядок восстановлен.

Он простоял так, не двигаясь, не зная, сколько времени прошло. Может, минуты. Может, час. Созвездия на стене медленно плыли по запрограммированной траектории. Всё было на своих местах. Всё было правильно.

Внезапно дверь в модуль тихо открылась, не издав предупредяющего звука. На пороге стояла офицер Лира. Она не вошла, оставаясь в коридоре. Её лицо было тем же бесстрастным маской, но в глазах Виктор уловил нечто новое — не гнев, а холодную, отстранённую оценку, как будто он был прибором, показавшим нестабильные данные.

— Воспитанник Виктор, — её голос был тихим, но отточенным. — Ваш курс коррекционного обучения переносится. Начало — сегодня, в 23:00, в аудитории сектора «Дельта Бета».

Сектор «Дельта-Бета». Рядом с тем самым доком. Или там, где он был. Виктор медленно кивнул, не в силах вымолвить слово.

— Ваше текущее задание в «Реголите» завершено, — продолжила Лира. — Завтра в 06:00 вы прибываете в централь-

ный инженерный архив для прохождения аттестации по знанию структурных схем периферийных систем. Это стандартная процедура после... инцидентов.

Она сделала едва заметную паузу, вставив это слово, как холодный штифт.

— Ваши показатели стабилизируются. Система отмечает возврат к норме. Продолжайте в том же духе.

Она повернулась, чтобы уйти, но задержалась на мгновение, её взгляд скользнул по нему, будто сканируя последний раз.

— Основатель создал Протокол, чтобы оградить нас от хаоса, — сказала она, и в её голосе впервые прозвучало нечто, отдалённо напоминающее убеждённость. — Сегодня вы видели, как он работает. Запомните это. Хаосу нет места здесь. Ни внешнему. Ни внутреннему.

Дверь закрылась. Виктор остался один.

Глава 7.

Шесть лет — это тринадцать тысяч девятьсот восемьдесят циклов вращения жилых колец «Рассвета». Это время, достаточное для того, чтобы стереть остроту любого воспоминания и встроить его в общую схему, как старый шрам в рисунок кожи.

Старший архитектор Виктор вошёл в свой кабинет в административном крыле сектора «Сигма». Комната была

невелика, но имела настоящий, хотя и небольшой, иллюминатор с видом на внутренний атриум — кольцо зелени и света, имитирующее парк. На столе из светлого композитного материала стоял голографический проектор, рядом — скромная рамка с кадром: он и Элис на церемонии регистрации партнёрства. Оба улыбались сдержанно, по инструкции.

Его синяя униформа с серебряным кантом была безупречна. Движения — точны. В 07:00 у него было совещание по поводу интеграции нового модуля солнечных коллекторов. В 11:30 — проверка отчётов его отдела. В 15:00 — сеанс связи с инженерами на строящейся орбитальной верфи у седьмой планеты системы. Его жизнь была расписана на месяцы вперёд. Она была полной, продуктивной и абсолютно предсказуемой.

После «инцидента» и курсов коррекции его не сломали. Обнаружили иное применение. Его упрямая внимательность к деталям, его неспособность просто проглотить нестыковку в данных оказались полезны для внутреннего аудита. Он стал тем, кто ищет микротрещины в системе до того, как они станут разломами. Он предотвратил несколько серьёзных сбоев. Его карьера пошла вверх по плавной, логичной траектории.

Он женился на Элис, геном инженере из агросектора. Алгоритм социальной совместимости дал их союзу 94,7% — почти идеал. Через два года у них родился сын. Генетический материал был выбран из банка в соответствии с прото-

колом «Оптимизация потомства»: сочетание устойчивости к радиации, высокого базового интеллекта и стабильного психотипа. Мальчика назвали Леон. Сейчас ему четыре года. Он был здоровым, спокойным ребёнком, уже проявлявшим интерес к сборке конструкторов головоломок.

Всё было правильно. Всё было так, как должно быть.

Вечером того дня Виктор вернулся домой позже обычного. Элис уже уложила Леона. В модуле царил тихий, уютный полумрак. На экране-стене, заменявшем окно,плыли успокаивающие абстрактные узоры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.